

МАЛАШЕНКО
белый

ветер

стихи

*«Картя
Молдовеняскэ»
Кишинев * 1S71*

ДОРОГА

Меня приговорили на заре,
Швырнули в травы, окунули в дали.
И где-то рядом в росном серебре
Надсадно, горько иволга кричали.
Я уходил под материнский плач,
Под смех друзей от старого порога.
Неотвратимо ждал меня палач —
Дорога.
— Смотрите, он ведь был таким, как вы! —
Прилежным чадам матери кричали.
И пальцем, как предательство, кривым,
Они в меня назойливо совали.
— Смотрите же! Пусть будет вам урок!
Держитесь крепче старого порога!..
Вела, вела все дальше на восток
Дорога.
Меня приговорили на заре
К кострам таежным и глухим распадкам,
К больничным койкам, к пургам в сентябре,
К чаям, как ночь, « брезентовым палаткам.
К короткой, бурной, яростной весне,
К любви, что, как сполох, отчаянна.
Мамаши милые,
Вы вслед плевали мне,
Но счастья не желали своим чадам.
Меня приговорили к чудесам,
К морям холодным и болотам ржавым,
К бессмертным, трижды алым парусам...
И приговор
    суровый
        не обжалован!

ЮНОСТЬ

Вновь пришел этот парень,
Угрюмый и странно знакомый.
И сказал:
— Ты сдаешься?
Выходит, напрасны труды?
А ты помнишь,
Как ветер свои выводил эскадроны
На бродящие зрелостью
Золотые, хмельные сады?
Нет, постой!
Ты забыл,
Как стонали примятые травы?
Алый галстук взлетит,
А над галстуком — чуб по ветрам.
Сотни грузных корзин,
Жаркий взгляд молдаванки лукавой...
И мозоли зудят,
Нестерпимо зудят по утрам.

...Вновь пришел этот парень,
Упрямый и странно знакомый,

И сказал:
— Помолчи,
Я напомним тебе о другом...
От шершавой ладони
С крылатой путевкой райкома
Пахло хлебом целинным
И бешеным, светлым трудом.
Стой, молчи!..
Там родник незаметный у горки.
Помнишь: злая луна —
Хоть лезгинку с кинжалом танцуй,
И измятая рожь,
И глаза, как миндалины горькие,
И соленый, как кровь,
Беспощадный ночной поцелуй.
Погоди! Не хватай
Ты дрожащей рукой папиросу!
Вспомни:
Версты и версты,
И хищный оскал тишины,
И полярная ночь,
И гортанная песнь эскимоски,
Хриплый лай за бортом
Распроклятой свинцовой волны.

Ты обижен сейчас?
Оскорблен незаслуженно?
Сетуешь?
Говоришь, что устал?
Потянуло тебя на уют?..
Поднимайся! Иди!
Я от имени прошлого требую!
Слышишь, горны кричат?
Слышишь, трубы тревогу поют?
Он замолк, этот парень.
Упрямый и странно знакомый,
Очень, очень знакомый,
Ершистый и злой человек.
Я кричу:
—Погоди! Кто ты?
—Юность твоя!
—Но постой, я прошу...
—...Никого...
Только звезды...
И ветер... и снег...

ПОГРАНИЧНАЯ СТЕПЬ

И снопа седая и мудрая
Навстречу мне степь набежит.
Увижу ее — и как будто
От сухости в горле першит.

Как к матери, ткнусь ей в колени,
Губами к руке припаду,
Уйду по закату осеннему
Послушать траву-лебеду.

И горькою песней умаясь,
Я полночь начну торопить,
Чтоб видеть, как слава былая
Парадом идет по степи.

Гляди, как черно за кордоном,
Как -темные силы встают,
Ты слышишь, как черные кони
На спинах тревогу несут.

Не спите, орлы боевые,
Над степью кружит воронье...
И слышу я клики глухие,
Труба «Собнра-а-йся-а!» поет.

У памяти нашей бессонной
Отцы принимают парад...
Вот вспенили степь эскадроны,
Все ближе подковы звенят.

Лихие рубаки, как птицы,
Невидимо мимо летят.
В навеки пустые глазницы
Степные закаты глядят.

И слава за конницей мчится
На яром донском скакуне,
Сторожко примолкла граница
На той и другой стороне.

А где-то гремят канонады
Среди незнакомых степей...
Не верю, что песня «Гренада»
Немодною стала теперь,

Не верю, не верю! Как можно?
Один не останется брат.
Не сабли покоятся в ножнах,
А молнии в ножнах дрожат!

И замерли все эскадроны,
И знамя выносят вперед.
Товарищ, товарищ Буденный,
Когда же сыграют «Поход»?

И вздыбились кони на месте,
И пыль под копытом кипит
И «Яблочко», «Яблочко» — песня
Звенит на губах у степи.

ПЕХОТА

Кто сказал, что весело пехоте?
Кто сказал, что весело пехоте?
Ей, пехоте, весело в походе?
Это ей-то
в мыле, в липком поте,
Это ей-то весело в походе?
Расскажите вы кому другому:
Не перину ей бы —
Пук соломы.
Трижды
пусть она
моторизованная —
Потом всё равно она рисованная.
В сапогах больших плетутся мальчики,
Падают на землю, словно мячики.
От нее так трудно оторваться.
Мальчики сквозь зубы матерятся.
И «не потому, что разудалые —
Просто эти мальчики усталые.
Нелегко ведь в мыле, в липком поте...
Кто сказал, что весело пехоте?
Но спросите мальчиков, те знают —
Где-то снова пламя полыхает.
Бухают угрюмо где-то громы,
Враг встает, жестокий и огромный.
Петому бредут они в болоте,
Мальчики в пыли и липком поте,
Потому им некогда смеяться.
Потому сквозь зубы матерятся,
Потому всегда они в походе...
Кто сказал, что весело пехоте?

РОДИНА

Мне боязно в глаза твои
посмотреть.
Погоди, дай собраться мне
с мужеством.
Дай мне руку твою, Родина,
Дан мне силу твою —
Я хочу о тебе написать.
Дай мне мужество
э т о посметь!
Сколько горьких морщин
Собралось у глаз твоих,
Родина.
Ты прости, я не буду
напоминать,
Я только вздохну и припаду
к ним губами,
И поглажу рукой,
Как гладили матерей своих
Те, кто с именем твоим на губах
умирали.
Головой припаду я к твоей груди.
Вот сердце. Как громко
стучит оно!
Громко, как выстрелы!
А сколько сердец перестало
биться,
А сколько еще перестанет.
Чтобы твое стучало?
Этого не знаешь ни ты, и никто
не знает. Родина.
Вот мой домик.
Он стоит на краю земли.
Рядом море Северное и злое.
И вечно неожиданное, как
рассвет.

А я просыпаюсь и говорю:

—Здравствуй, утро.

—Здравствуй, злое море,

—Здравствуй, рыбак,

поднимающий сеть.

— Здравствуй, солнце, и снег,
и пурга.

— Будьте благословенны!

Потому что все это — ты,

Родина!

БОЛЬНОМУ ДРУГУ

Знаю, душно в тумане...
Ты астмой сражен.
Ты больной, ты большой, ты Антеи, ты ребенок.
Удивительной жизнью всегда восхищен.
Лжешь и мне и себе.
Что доволен и счастлив с пеленок,
Я же знаю, я знаю, хотя и молчу:
По ночам ты ведь плачешь.
Как плачут лишь дети!
Как, не веря,
Ты хочешь поверить врачу,
Что тебе еще жить
Очень долго на свете.
Утешенья как будто застряли в зубах...
Ты глядишь на меня.
И меня ты не видишь.
Если б жалость в моих ты увидел глазах,
Ты меня и себя бы возненавидел!
Да, ты прав. Я согласен. Погода — дрянь!
Ты взрослей, ты больней понимаешь погоду.
Когда стонут от старых болезней и ран,
Когда мысль замирает, как палец на взводе.
Лишь усилие!
Холодный металл у виска...
Всё... Не будет мучений. Не будет страданий.
Но соблазны гоня.
Терпким сгустком стиха
Прорывается мысли твоей клокотанье.
Л туман за окном начинает редеть,
Зимний день догорает на склоне багровом.
И все пристальней смотрит в глаза твои смерть,
Не поняв до конца,
Что родился ты снова.

* * *

Не будите меня, тополя,
Ночь, к спокойствию призови.
Ох, живучи в крестьянской кропи
Хмель бунтарства и дух топора.

Бешен, голоден, ночью и днем
Дед копал эту землю, как крот...
И нет-нет — полыхнет, как огонь,
В моем сердце кержацкая кровь.

Помирали, упав на соху,
И не дрогнув ходили на рать.
Их веками пытались согнуть,
А согнуть — так хребтину сломать!

Хлопы дерзкие, бунтари,
Что на плахах кончали жизнь!
Свято чту их завет: умри,
Но с неправдою не роднись.

Я клянусь перед тенью отцов:
Не был этот завет забыт!
И за это, в конце концов,
Не единожды был я бит.

Но вставал я упрямей и злей
И шептал, и шептал, как в бреду:
— Не согнуть меня носом к земле —
Я скорей на нее упаду!

НАЕДИНЕ С ТУНДРОЙ

Полдюжины камней
И две доски
Так связаны, чтоб вышел крест,
И вот вам безымянная могила...
Крест — он ведь проще,
Где искать звезду?
Не брать же каждый раз с собой в дорогу.
Чукотка ненасытная, все сеет
Упрямо горсти вот таких могил.
Не видно с самолета их,
а в тундре.
Особенно вдоль трасс, их много —
Почти как придорожные столбы.
А над могилами
Нависли сопки, будто монументы,
Неистойвой громадностью своей
Всю малость безымянных подчеркнув.
Ах, словеса!
Лежат первопроходцы.
Споткнулись о полярный круг, герои.
И не за славой шли, а за мечтою:
Медали разве?—
камни на груди.
Кто след оставил.
Ну, а кто могилы...
Угомонились буйные головушки.
Давай, каюр, по маленькой, пожалуй,
За упокой их горемычных душ.
Уж мы с тобой дойдем до дома точно.
Полсотни верст, а там река Пинакуль,
И старый Тыны нам с тобой заварит,
Как деготь черный, хинно-горький чай.
Давай, каюр, по маленькой, хотя бы
За то, что там лежим не мы с тобой.
К чему кривить душой,

ведь мы же люди!
И это очень здорово, что скоро
Река Пинакуль, и Тыны, и чай.
Ну, что ж, каюр, собачки отдохнули,
Нам в путь пора. Давай гасить костер.
Рули корабль собачий свой к поселку,
К реке Пинакуль, к хроменькой избушке,
Тыны навстречу выйдет,— скажет: «Этти,»
И кстати спросит: — Водку не забыл?
Я успокою тотчас зверолова,
Пройду к огню.
Сниму,
хрипя, кухлянку,
И рухну тут же на оленью шкуру,
Подкошенный усталостью, усну.
И только мысль одна восстать захочет:
О тех могилах стылых, безымянных,
Но тут же хватанет ее за глотку
Другая мысль:
«Я все-таки дошел!..»
Вперед, собачки, на реку Пинакуль!

О БЕССМЕРТЬЕ

Мое сердце обходит границы,
Где не дрогнув отцы полегли.
Постаментов там нет из гранита,
Там окрест — ковыли, ковыли.

Я за славой не шел с котомкой.
Я по свету ее не искал.
Я как тысячи тех, на которых
Не транжирят ценный металл.

Я работал, как в поле пехота,
Без оглядки на вечность, чины...
Пусть я высохну капелькой лота
На лице у моей страны.

И молить у судьбы не устану
Высшей милости на века,
Чтобы мне постаментом стала
Хоть одна бы моя строка.

ЗИМНИК

Вот и зимник... Сопки размечтались,
Над тайгою ночь зажгла огни.
И на сотни белых верст остались
Мы с бессонной совестью одни.
Где сегодня еду пассажиром —
Кто-то первый трассу проложил.
Ты ответь мне, совесть, ты скажи мне,
Разве я тобой не дорожил?
Торопливый, жадный до открытий,
Я спешил с вокзала на вокзал,
Но везде на главные события
Почему-то я не поспевал.
Я спешил!
— Ну подтверди ты, память!
Но в снегах, во льдах, среди огня
Кто-то шел и покорял, и падал,
Погибал...
Но впереди меня!
И опять ночами я метался,
И опять, страдая, понимал:
Значит, слишком мало добивался,
Значит, слишком много обещал.
Значит, где-то, в чем-то состорожничал,
Не сумел предел свой перейти,
Значит, я не сделал невозможного,
Как сумели те, кто впереди.
Да, печальна истина простая —
Стали дни тревожные вдвойне...
Но не даром, зимник, ты оставил
С совестью меня наедине.

* * *

Не пишется.
Не пишется,
Не дышится —
Перед грозой
такое
испокон.

И низится,
Корежится,
Кольшится
И брюхом
нависает
небосклон.

Заякорен,
Захвачен,
Зафрахтован
Привычками, жилплощадью,
женой.

От громов
И от молний
Застрахован
Семьей —
непробиваемой
стеной.

А строкам
Только
Требуются токи!
Опасен им
любой
громоотвод.

Под вечным
Напряжением
Высоким
Высокая
поэзия
живет!

А стены дышат.
Души наши
Душат.
Товарищ
дверь
грозе
навстречу
рвет.

— Куда ты?
Ведь гроза тебя
Оглушит
И молния
случайная
сожжет!

И во поле,
Во чистом,
Во зеленом.
Он вспыхнул
ярким светом,
как маяк.

Мигнул — и всё.
И снова
Непреклонно:
—Кто следующий?..
—Очередь— моя!

* * *

Горько плачет в парке девчонка,
Горько плачет в парке девчонка.
Понимаете,

плачет девчонка.

А глаза — два глубоких колодца.
А в глазах — два сверкающих солнца,
А в глазах — два сверкающих солнца
У девчонки в короткой юбчонке.
Я, конечно, никто ей, я так себе,
Я слова отгоняю затасканные.
Все равно не скажу ей ни слова.
И к чему ей слова, горькобровой?..

Я слова отгоняю затасканные.
Я, конечно, никто ей, прохожий.
Я, конечно, пройду не тревожа,
Вы поймите, пройду я сторонкой,
А она-то ведь плачет, девчонка!
Понимаете, плачет девчонка...

* * *

Мы матерей привыкли обижать,
Когда от боли некуда бежать,
Когда от горя некуда бежать,
Когда от злости некуда бежать.
Мы матерей привыкли обижать.
Они от нашей злости не уйдут.
Они все горе на сердце возьмут,
Они обиды, гордые, снесут.
Они вздохнут лишь, гордые, вздохнут...
Они поймут нас, матери, поймут.

КРЫЛЬЯ

Не любите, девушки, пилотов —
Безопасней ездить в поездах.
Сколько тех пилотов из полетов
Не вернутся к женам никогда.
Выбросьте вы, девушки, романчики!
Дорого обходится романтика.
Цену ей вам скажут старожилы:
Небо
И пропеллер над могилой.
Горькими насмотритесь глазами,
Вдовьими наплачетесь слезами.
Каждый вылет — это расставанье,
Каждый вылет — это и прощанье.
Вспомните,
Как улетит ваш милый, —
Небо
И пропеллер над могилой.
Ах, какие кумушки глазастые,
Ах, иакие кумушки горластые.
Знают всё: от неба до ангара,
Не ходивши далее базара.
Но спросили девушки, спросили:
Так зачем же человеку крылья?
Эту честь герои заслужили —
Небо
и пропеллер над могилой. Вы не верьте кумушкам, не верьте.
Нету смерти в небе. Там — бессмертье!

БЫЛИННОЕ

Воскричи во мне, древняя удаль
Опаленных былинных шлей,
И явись ко мне, зримое чудо —
Злой скакун половецких кровей.
Пусть несет меня, версты стирая,
Прямо в степь, в неизведанность встреч.
Пусть налево — коня потеряю,
Пусть направо — и голову с плеч!
Пусть вся подлость с неправдой вместе
Что в неблизком пути повстречал,
Грянет оземь стоглавными змеями —
Я их в жизни немало видал.
Бей копытом их, конь,
еще злее,
Острый меч, искупайся в крови.
Пусть паду
и не одолею,
Мать — Родина, благослови! Поле-полюшко,
да святится,
Воля-волюшка,
да святится,
Да головушка по сугробушкам
Покатится...

ТРЕВОГА

А ты поверь, что у тревог
Труба —извечное начало.
По сухожилиям дорог
В тачанках юность нас промчала.

Нет, неспроста качнулся лес
И птицы взмыли не случайно.
Хранится и для нас обрез
В лабазах и подполах тайных.

Во всех сердцах — всегда труба
Поет извечную тревогу,
Поет извечную дорогу
Неумолимо, как судьба.

Ты слушай — не пробил твой час?
Ты погляди — идут солдаты.
Пусть совесть шлет тебе приказ.
Она —твои военкоматы!

И ты поймешь, взглянув окрест,
И ты постигаешь эту тайну,
Что неспроста качнулся лес
И птицы взмыли не случайно.

* * *

Ты завой, ты заплачь —
Я уйду на рассвете
В несмолкающий гул,
В пулеметную дрожь,
В мир, где спать мы ложимся
В обнимку со смертью,
Где нас косят и косят,
Как спелую рожь.
Ты цепляйся, держи,
Не пускай, истекая
Тяжким горем своим,
Неизбывной тоской.
Ты рыдай, ты моли
И, судьбу проклиная,
Бейся в грубо сколоченный стол
Головой.
Ты хватай за шинель,
Задыхаясь от боли,
Ведь уйду прямо в бой.
Прямо в клекот огня.
Ты моли!...
Мирный сон над тобой,
Надо мною.
И на смерть не зовет
Голос долга меня.
Ну, а вдруг позовет
Голос долга на битву,
И умру я в бою.
Кровью пыль опалю
Это зная, скажи
Ты отпустишь на битву?..
— Отпущу...
Отпущу, потому что люблю!

* * *

Ты пишешь, что ждешь и тоскуешь,
Что даже всплакнула вчера.
А здесь косачи жируют,
И так хороши вечера.

Развесила нити кружев
В полнеба шальная заря.
И ветер, как в вальсе, кружит
Багряный наряд сентября.

Мне тоже немного тоскливо
От этой хмельной красоты.
Все было бы в сто раз красивей.
Если б жила здесь ты.

Я бы, забыв усталость,
Слушал осенней порой,
Как в песнь сентября вплетается
Тоненький голос твой.

НЕВЕСТА

Захмелевшие гости: «Горько!»
Беспрерывно тебе кричат.
Твои девичьи губы робкие
В напряженной улыбке дрожат.
Но с улыбкой никак не вяжется
Та слеза, что блестит, чиста.
Похоронным саваном кажется
Снеговая твоя фата.
Кто ж сосватал тебе нелюбимого?
Кто заставил решиться, кто ж?
От него ведь, от нелюбимого
Никуда теперь не уйдешь.
Шифоньеры... А что в них проку?
Особняк, холодильник, парча...
Как зенитки, бухают пробки,
Пулеметами вилки стучат.
Лишь один не смотрит на блюда.
Только пьет, чтобы боль извести.
Тот, кто счастлив тебя отсюда
На руках прямо в жизнь унести.
От замочной скважины зоркой,
От гардин, от смотрин, от молвы...
Гости снова крикнули: «Горько!..
До чего же они правы!

РАССТАВАНИЕ

Я по берегу моря Беринга
Ухожу навсегда от тебя.
Море Беринга бьется-бесится.
Чуб свой яростно теребя.

Приседают от страха сейнеры
На седой от тоски волне...
Что ж ты плачешь, девушка северная?
Так никто не плакал по мне.

То ль за ветром, а то ли за счастьем
Полпланеты прошел, считай.
Я люблю это слово «здравствуй».
Но на каждое «здравствуй» — «прощай».

Мачты снова поют, как скрипки.
До свиданья, знакомый порт.
Знать, моя золотая рыбка
Не в Беринговом море живет.

НИНКА

Все, что было — не сплыло,
Осталась тропинка.
И бывшее травой не порастет...
Вот идет по поселку рыбацкому Нинка,
Под обстрелом щелястых бараков идет.
Все, что было — не сплыло.
А было немало,
Не пустое болтают вокруг языки.
Разве Нинка считала, скольких обнимала
У студеной, седой от мороза реки?
Рездевали ее ледяные закаты,
И краснели закаты,
И падали ниц...
Но однажды исчезла девчонка куда-то
С караванами грустных сентябрьских
птиц.
Все, что было — не оплыло.
Осталась тропинка...
Но ведь сердце — не камень,
вдохнешь поутру...
Где ж ты, Нинка,
Ну где же ты, Нинка-тростинка,
Не сломало ль тебя на студеном ветру?
А когда над тайгой журавли откричали
И забились над пирсом крутая волна —
Появилась с дочуркой она на причале
И несмело в рыбацкий поселок вошла.
Что за сила в понятии таком: материнство?
Замолчали бараки, на миг присмирив,
Даже боцман угрюмый,
что лют материться,
Будто снегом умывшись, на миг просветлел.
И щелястый поселок глазел спозаранку,
Завздыхал, подобрел, будто принял в семью...
Как несла она,
словно охранную грамоту,
Это трудное счастье — дочурку свою.
Все, что было — не сплыло.
Осталась тропинка.
Но бывшее травой-муравой порастет —
Ведь идет по поселку не просто Нинка.
Вы заметили?
Мать по поселку идет!

РАССТОЯНИЯ

Самолеты меня уносят
К белым пятнам таежной глуши.
Ты мне пасмурной этой ночью
Светлой зорькою помаши.
Колыма подо мной
И Чукотка,
Облака в серебристой пыли,
И плывут неуклонно и четко
Расстояния, как корабли.
Постыдились бы хоть, расстоянья,
Я до гроба у вас в должниках.
Расстоянья,
Ведь вы — расставанья,
Седина у меня на висках.
Расстоянья,
Ведь вы безбрежны —
Мне одна только жизнь дана.
Ну чему равна в вашей снежности
Моя робкая седина?
Ах, как трудно дышат моторы!
Всё. Достаточно. Я смирюсь...
Где-то, где-то есть город, в который
Обязательно я вернусь,
С головой, побеленной снегами.
Ты с лица мне морщины смахнешь...
Этот город мне снится ночами,
Ой, как снится, — ты это поймешь.
Будет встреча и горькой, и сладкой,
Ты уснешь у меня на груди...
Но пора.
Объявляют посадку.
Ты прости...
Ты еще подожди.

ДЕСЯТЬ ЛИСТКОВ СЕНТЯБРЯ

1

Ветер принес с утра,
Окна приотворив,
Десять листков сентября,
Десять капель зари.
Десять листков сентября
Десять капель зари...
Ужели не повторят
Птицы весенний крик?
Выпасть бы мне росой
Да на твое крыльцо,
Да на твое лицо,
Да на волос прибой.
Но опоздал с росой.
Иней выпал допреж —
От ненужных слов,
От ненужных встреч.
Видно, не расцветать
Больше твоим глазам.
То ли тебя обвинять,
То ль виноват я сам.
Вижу в глазах пестрят,
Что там ни говори.
Десять листков сентября,
Десять капель зари.

2

Ничего «е сулит мне сентябрь,
Только пурги свистят раскаленно,
Только звезды искрят, как янтарь,
Только сопки, как ночь, непреклонны.
Я стою на краю зимы,
Мир качается, как на качелях,
И скрипят протяжно из тьмы
Перемерзшие параллели.
Обжигая холодную даль,
Бродят в небе скитальцы — зарницы
И кричит в распадке печаль,
Как ночная угрюмая птица.
Эй, печаль, не ходи, как встарь,
Не рядись ты ко мне в соседки!
Просто полночь.
И просто сентябрь.
Просто письма приходят редко.

3

Земля томится урожаем
И наступает счастья миг:
Земля, измучившись, рождает,
А это больно,
ты пойми.
Да, щедрым быть —
ведь тоже больно!
Без боли не творить добро
Ни нивам вспаханным, ни войнам,
Ни воинам, ни даже дойнам.
Так повелось давным-давно.. .
Я переполнен этой болью,
Перезаполнен каждый миг
Осенней терпкою любовью,
Любовью, что живет со мною
Предчувствием тягостным зимы,
Полей несжатых соучастьем,
Прозрачным пониманьем рощ.
Я счастлив,
Я, как боги, счастлив!
А это больно,
ты поймешь.

4

Ночная птица, не кричи
И не буди мои надежды.
Я к дому,
Где таится Нежность,
Не подберу никак ключи.
Ночная птица, не кричи.
Пустынны памяти проспекты.
Воспоминанья, как конспекты,
Уж не нужны.
Ты помолчи,
Ночная птица, в оперенье
Из чьих-то очень светлых снов!..
Нужно из миллионов слов
Одно, как крик,
как исступление!
О как бесчувственны слова,
Когда в груди одно горенье...
Постой, а как сердцебиенье?
Гляди, седеет голова.

Ночная птица, не кричи,
Не хлопай крыльями, как створками.
Я не войду в любовь задворками,
К парадным —
у других ключи.
Чего же жду я у дверей
Чужой любви, чужого таинства?

Не проще ль попросту состариться
Под листопад календарей?
Но сердце яростно стучит.
Зовет любить, гореть и драться!
Как будто мне опять семнадцать...
Ночная птица,
                                не молчи.

5

Звенят, звонят колокола!
Как будто век свой отпевают.
Ты вслушайся, они рыдают:
Коло-кола, коло-кола...
А мне вас жаль, колокола,
О, как молитвенно и грустно
Над болью, над житейским грузом
Одни
                        они,
                                колокола.

Я слышу в звоне их: прости!
Я слышу: в чем мы виноваты?
Забыли разве, как набатом
Мы отгудели на Руси?
Жестока жизнь, колокола,
Ваш век прошел,
я понимаю.
Так что ж вам сердце отвечает:
Коло-кола!
                        Коло!
                                Кола!

6

А ты не верь в беззвездность ночи,
Не верь зиме, что настает.

Не верь тоске,
                        и между прочим,
Не верь в неверие свое.
А лучше — по поле береза,
А лучше — во поле стояла,
И откровенность паровоза,
И бессердечие вокзала.
А ты сегодня промолчала,
И я тебя напрасно звал
В тревогу будущих вокзалов,
В тачало будущих начал.
Ну что ж, налево иль направо.
Но лишь бы прочь от маеты!
Прощай,
                        твоя любая правда

Кривей моей неправоты.
Пусть откровенность паровоза.
Пусть в сотни ртов вокзал кричит...
Ведь где-то во поле береза,
Ведь где-то во поле стоит!

7

Ах, осенние штормы! Будто
Злое море зверем рычит,
А моя бригантина в бухте,
В тихой гавани

тихо стоит.

Слышишь горестный крик вдали?
То не чайка плутает в тумане.
Это стонут в морях капитаны,
Не найдя заветной земли.
Слышишь горестный крик вдали?

Где-то, где-то моя земля
И печальная, как кристалл,
Из шатров безнадежно синих
Выйдет девушка к морю сизому
И шагнет на пустой причал.
Не найти мне этой земли!
Корабли погибают, как люди —
Люди гибнут, как корабли.
Нет на картах моей земли.
И навряд ли когда-нибудь будет...
Что ж, пора
поднимать паруса!

Чукотка, 1966—68 гг.

* * *

Поди, как странно: отпуска!
Л от чего ж нас отпускают?
Иль только изредка пускают
Сюда, где иоле и река,
Где даже эти облака
Какой-то властью обладают,
Мечтать о чем-то заставляют
И превращают в чудака.
И вот соседка по избе
Обычная, в косынке красной,
Колдуньей, неземно прекрасной,
На миг представится тебе.
И ты уж склонен ко грехам,
Казнишься тайною истомой,
И только к первым петухам
Припомнишь строгий нрав месткома.

Мелькнут недели, и опять
Уйдешь в тот мир многоэтажный
К делам пустячным или важным —
Их надо все-таки решать.
Вставать! Встречать! Бежать! Идти!
И в этой спешке напряженной
Вдруг встанешь, как замороженный,
На полпути.
А ночью, как ты ни криви,
И лес, и взгляд, луну, избушку.
Как письма первые любви.
Ты будешь прятать под подушку.

ВЕЧЕРОМ

Я прохожу, я прохожу
Все эти сумерки усталые
У петухов резных, у ставен
С наличниками.
Погляжу,
Поглажу изморозь той резки,
Где ставни, словно занавески,
Просвечивают изнутри
И в тишине, как тати, тают.
Но... чу!
Уж росы опадают —
Мерцающие янтари.
О зачарованность зари!
Взаправду будто бы горит
В ладошках она
Огарок свечки.
Все ждешь чего-то. Но чего?
Туман опустится на плечи?
Табун примчится с ночевой?
Или
Не будет
Ничего?
Пусть только льется эта тихость
На тын, на тополь, на поля,
Где сквозь туман уже земля
Вдали раскинулась безлико.
Да, мы иные вдалеке
От суеты, асфальта, лифтов!
Как тянет нас с природой слиться.
Плеснуться сомом в омутке,
Проснуться в полевом цветке,
В полете быстроскрылой птицы.
И, задохнувшись от любви,
Упасть в пахучие бурьяны...
Да полно!
Мы произошли
Ни от какой не обезьяны,
А от земли.
Да-с, от земли!

НА РОДИНЕ

Привет, знакомые картины,
Щемящий запах ковылей!
Вы блудного примите сына
По-матерински, по-добрей.

Моя вина, я это знаю,
Что прихожу сюда, как гость,
Что всех долгов родному краю
Еще отдать не довелось.

Видать, сердца не растревожил
Я сокровенною строкой.
И «а меня земляк-прохожий
Нет-нет, и глянет с холодком.

Уйдешь в поля с рассветом волглым,
На плечи — дедовский кожух.
И шепчешь долго, шепчешь долго:
— Я докажу,
Я докажу!

И от обид своих умаясь.
Но все же став от них сильней.
Вдруг — будто снегом умываясь —
Я гляну в ширь и в даль полей.

И мысли сразу же другие.
И сердце — колокол в груди,
И дали чистые такие.
Что хоть губами припади.

По сельской улице знакомой
Пройду уверен я и прям.
Согласно с местными законами
Поклон отвешу старикам.

Они глазами не остудят.
Поклон, как правило, вернут.
Потом до косточек обсудят
Тебя за несколько минут.

Здесь не зарыться, не забиться —
Узнают, вытащат, найдут.
Здесь громким словом не прикрыться
Дела свои отдай на суд.

Светлы, как утренние росы
(Ты их попробуй опиши).
В падах невестятся березы —
И водят хоровод в тиши.

О край родной! Ужели сбудется,
О чем мечтается сейчас...
Но верь, мой край, по этим улицам
Пройду « я не пряча глаз.

ДЕТСТВО — СТОРОНА

ДАЛЕКАЯ

Маме

Да, наверно, это шорох крыльев.
Да, летят, наверно, журавли,
Знаешь, маки факелы зажгли
У реки, где ивы загрустили.
Ты опять мне скажешь,
Что я вру,
Что февраль продрогший воеет люто...
А ты помнишь, как в седом яру
Снег спускался к нам на парашютах?
Помнишь, почтальон — медведь к утру
К нам в окно стучал мохнатой лапой...
Ты опять мне скажешь, что я вру?
Ну, а звезды — Помнишь ты их запах?
Они пахли снегом и корой,
И брусничкой мерзлой, и сосною.
И — не спорь — Две пихты над рекой
Убегали в лес ночной порою.

Знаю, скажешь:
— Ты такой, как был.
Не нора ль уже остепениться?..
Ну, скажи,
А помнишь, лось трубил
Над своей таежною столицей?
Да, я знаю:
Годы, как никак!
И болезни донимают тоже.
Но ведь снится, знаю, наш большак,
Сруб у яра, снег и раздорожье.
Волглый ставень,
Речка и грибы,
Ох, грибы, богатыри лесные!
Но ведь знаю, помнишь — у трубы
Как дерутся петухи резные.
И откуда знать твоим врачам,
Как вдруг вспыхнет ирис у дороги,
Как, сушняк ломая,
                        зло урча.
Царь тайги вылезает из берлоги?
Да, я тот же,
                        тот же.
                        Ну а ты?
Лишь глаза закрою —
вспыхнет солнцем:

Мне навстречу ты
                  из темноты
Неторопко шествуешь к колодцу.
Нет, ты та же...
Пусть, на волосах...
Серебрится злой, холодный иней.
Вопреки годам
В твоих глазах
Так же льется
Тот же ветер синий.
Да, летят, наверно, журавли,
Да, наверно, это шорох крыльев...
А ведь маки факелы зажгли
У реки, где ивы загрузили.
Ты согласишься.
Только сгинет хворь,
Ты почувешь звезд брусничный запах.
А медведь?
Он все-таки — не спорь —
К нам стучал в окно лохматой лапой

СТАРАЯ СКАЗКА

1

Поезд мчится по рельсам,
  вперед и вперед.
Отступают пугливые дали.
А за окнами мощно тайга встает,
Неприступная и седая.
Выбегают навстречу родные края,
Где метели уныло пели.
Там ворчунья-зима,
  бархат снега кроя,
Шьет наряды кокетливым елям.
Я приехал,
  а день удивительно тих,
Будто спит и никак не проснется.
Мне навстречу
  по дальним вершинам пихт
Выбегает здороваться солнце.
Где-то, где-то в плену у могучей тайги,
Где тропинку и днем не отыщешь,
Где косматый январь — повелитель пурги —
Злобным свистом разбойничьим свищет, —
Там избушка стоит. Я бывал в ней не раз,
Появлюсь и сегодня под вечер...
Подойду, постучу —
  скрипнут двери тотчас.
И она ко мне выйдет навстречу.
Та, с которой я в детстве бродил по снегам,
Та, с которой делился хлебом,
Та, которая снилась не раз по ночам
Под каким бы ни спал я небом.
Мы пойдем с ней гулять,
  волком ночь набежит,
В буреломах и падах зарыщет.
И косматый январь зашумит, запуржит
И разбойничьим свистом засвищет.

2

Сказку нам рассказала когда-то мать,
Что в тайге, где метет метелица,
У колдуньи в плену —
  Где?
  Откуда знать? —
Живет одинокая пленница.
Говорила мать, суеверно крестясь:
«Подрастешь и спасешь ее, верю...»
Мы молчали тогда, в уголке затаясь,
И взрослеть нам хотелось скорее.

Снова вместе идем.

Заметает наш след,
Будто дворник, колючий ветер.
И она говорит:

«Тебе двадцать лет,
Помнишь сказку и клятву в тот вечер?»

И смеется:

«Забыл? Есть другие дела?

Где ж она,

где ж она, твоя пленница?

Может, в детство по тропке случайно ушла?

Может, бродит где-то с метелицей?

Ты забыл свою клятву?..»

Что ж я молчу?

А сугробы поземкой пенятся.

Я в охапку хватаю ее и кричу:

«Я нашел, я нашел свою пленницу!»

3

В это утро снег поразительно бел.

Он белей никогда еще не был...

А дубок молодой поиграть захотел

И рукой потянулся к небу.

Тянется к облаку — не достать!

Высоко облака проплывают.

На проказы дубка смотрит пихта, как мать,

И чему-то смеется, седая.

На душе так легко!

Песню хочется спеть,

Но нельзя, на охоту ведь вышел я.

Соболька бы неплохо в снегу подсмотреть,

Да я белочка — дело не лишнее.

Ну а песня не может, не хочет молчать:

Только властвовать ей — не иначе!

Не желает молчать, она хочет звучать

И, как ветер, деревья раскачивать.

Она хочет, как солнце, снега растопить,

Останавливать птиц в полете.

Она хочет великой, могучею быть,

Самой сильной!

А я не против.

Пусть звучит!

Я закинул за плечи ружье

И пою о сказочной пленнице.

И тайга, расступаясь, дорогу дает

Моей песне — доброй волшебнице.

Стоит крикнуть — и кинутся звери прочь,

Зашумит тайга страшным гудом.

Стоит крикнуть — забьется в канавы ночь

И лежать там смирененько будет.

И пойду я, как сказочный богатырь,

Предводитель отрядов могучих.

Мне на помощь пошлет моя .мать — Сибирь
Эскадроны снегов сыпучих.
Мне на помощь пошлет и сестра — Тайга
Легионы могучих кедров.
Разве с ними мне страшен какой-нибудь враг?
Разве я не вернусь с победой?
Взмах руки — и отряды пройдут сквозь тайгу,
Взмах руки — снегопады запылятся...
Ну, а слово?
        Я слово пока сберегу.
Для своей, а не сказочной пленницы.

ОБИДА

Эту девочку с Огородной
Я в четырнадцать лет полюбил,
С этой девочкой с Огородной
Никогда я не говорил.
Я в мечтах ее из сражений
И из сотен пожаров унес.
Но смотрел на меня с сожаленьем
Неулыбчивый девочкин пес.
Поедал он мои бутерброды,
И ведь знал этот пес давно:
Что с девочкой той

с Огородной

Двое мальчиков ходят в кино.
Двое мальчиков-одуванчиков,
Ох, и сыт же блеск башмаков!
И застёжки и карманчики,
И конфеточки разных сортов.
Вы поймите меня как надо:
Взрослым парнем я был вполне.
И косые мои заплаты
Раной в сердце впивались мне.
Я ходил у ее владений,
Я бессменную вахту нес.
И смотрел на меня с сожаленьем
Неулыбчивый девочкин пес.
Но заметили одуванчики
Этот пост постоянный мой.
Руки вынули из карманчиков
И решительно двинулись в бой.
Я не дрогнул в минуту злую.
Ох и бились мы у реки!
И горели, как поцелуи,
На щеках моих синяки.
Я их нес домой, как награду,
Как зарплату, домой их нес.
И смотрел мне вслед виновато
Неулыбчивый девочкин пес.
Я искал теперь встречи у окон,
Эту встречу я заслужил.
Это право в бою жестоком
Как мужчина себе добыл.
Но девочку до потрясения
Испугал мой пиратский вид,
И шепнула она с презреньем
Обо мне, о герое: бандит!
Как заплаты мои горели!
Как болели мои синяки!..

Я в себе подавил еле-еле
Закипающий крик тоски.
Одуванчики что-то гадостное
Мне кричали — из-за перил.
Только девочкин пес что-то радостное
По-собачьи мне говорил.
Он смотрел, как я шел, поникая.
И не верил в горе всерьез...
Ни черта ты не понимаешь,
Разлюбезный товарищ пес!
Эту девочку с Огородной
Я в четырнадцать лет полюбил.
С этой девочкой с Огородной
Никогда я не говорил.

.. ЧУДЕСНЫЙ ГОРОД

«Как он умел забыть себя!»

А. Пушкин

Там, в том краю, что выдумали мы,
В краю, возникшем из стихов поэтов,
Бродили мы по улицам.

Поэты

Звенели бронзой. И решали споры
Двух маленьких, взъерошенных людей.
То были мы. А люди, что сходили
С бессмертных и угрюмых пьедесталов.
Носили громкие, большие имена.
Ты верил 'им. И я им тоже верил.
Оки легко решали наши споры.
Ведь имена их золотом сияли
На книжках, что я прятал под подушку
И до утра вишневого читал.
Там мы бродили. И бессонный город
Нам раскрывал все тайны вековые
И голосом спокойным говорил нам:
«Идите дальше. Это не конец».
И мы шагали медленно,
И плыли
Над агами звуки дивные, врываясь
В пропахшие березой облака.
Но годы шли. Как много изменилось!
Я в ту страну не позабыл дороги.
О, сколько новы» бронзовых знакомых
Я встретил там, в задумчивой стране.
Но нет тебя со мной. А это больно,
А это очень больно, понимаешь,
Ведь эти люди бронзовые помнят
И нашу дружбу. Ты пойми, мой друг.
Вот я один бреду.
Чудесный город
Как будто ничего не понимает,
Но чем-то он встревожен, этот город.
И все звонят, звонят колокола.
Да, я один. А дружба наша помнит
Такие дни, когда я даже .часу
Не мог прожить без друга,
Было время,
Когда тебе и горя и желал,
Чтоб в трудный час вдруг оказаться
рядом,
Чтоб ты увидел, как тебе я предан.
Чтоб понял ты, что для тебя готов я
Идти на все.

Сумел бы ты понять?
Но жизнь твоя пошла иной дорогой,
Без взлетов, правда, но и без падений,
И привела дорога к кабинету,
В унылый плен бумажек и бумаг.
Я не пойму, когда погибла дружба...
Да, ты тогда пришел ко мне с работы
И говорил, что руку

тебе жали

Большие люди. И смеялся ты.
Так радостно, восторженно смеялся,
И все смотрел на руку удивленно
И говорил: «Вот эту руку жали,
Вот эту самую... Вот эту...
Ну, теперь...!»
...Какая даль! Просторы нараспашку!
И лишь у края облачко темнеет,
Но ведь оно совсем, совсем ничтожно
На фоне беспредельной чистоты.
Какие песни солнце подарило!
Какие краски солнце разбросало!
А ты стоишь, и взгляд твой неподвижен.
Садится солнце. Наступает ночь.
Но где ж та незаметная граница
Меж другом и чужим и непонятным
Тебе мужчиной?

И когда же,

Скажи, когда же это началось?
Когда твоя строка, сверкнувши ложью,
Пошла по легкой, хоженной дороге?..
Смотри в глаза мне.
Ну, зачем ты прячешь
Свой беспокойный, бегающий взгляд!
В том городе так чисто и так строго,
Там шепота не признают. Ты знаешь.
Там шепотом не скажешь даже слова,
Какое эхо! Шутка ли сказать!
Чуть скажешь слово — слышит целый город!
И зашумят волшебные проспекты.
И повторяют громко это слово
Десятки тысяч разных голосов.
Ты не войдешь. Ты не имеешь права...
Опять один брожу. Чудесный город
Наполнен юной музыкой кварталов,
И бронзовые люди, как и раньше,
Решают споры маленьких людей.
И всюду жизнь ритмично и спокойно
Мальчишек беспокойных превращает,
Мечтателей
В творцов вот этой жизни,
Как и положено.

И вот шагаю я

В ее широком, деловитом марше,
И сердце бьется в ритм стальному шагу,
И даль ясна. Какая чистота!
А полночь удивительно красива
В своем цветастом ситцевом наряде
Огней, реклам,
    Она следит за мною
Горящими глазами этажей.
И каждый раз сквозь музыку кварталов
Я слышу голос строгий и знакомый: —
Иди же дальше! Это не конец...

АНАДЫРЬ

От Белой бухты прямо надо
С полсотни верст.
А там, вдали
Лежит завьюженный Анадырь,
Как на ладони у земли.

Летят метельные дозоры
С разбойным свистом
Напрямик,
Но злей и злей гудят моторы —
И черт возьми —
проходим мы!

Чукотка!
Долгие рассветы,
Полярный мрак,
Метельный лай,
Наречена ты
краем света,
Но это наш
передний край.
Не присягали мы
На верность
И наша жизнь —
Не напоказ.
Здесь мы не думаем про вечность,
Пусть вечность
думает
про нас.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Тают в окнах огни,
И Певек засыпает.
А снега упадают,
Снега упадают,
Упадают
На рваные нервы дороги,
И на шепот «Спидолы»,
На наши тревога.
Ах, вы все-таки боги,
Двое влюбленных,
Вы бредете по улицам занесенным.
Что вы видите?
Как журавли прилетели?
Что вы слышите?
Птиц беззаботные трели?
Но простите,
Мы вам помешать не хотели.
Просто грустно сегодня
И некуда деться,
Захотелось у вашего счастья погреться.
Снова снежится утро,
А солнце не кажется...
Эта тьма еще скажется,
Тьма еще скажется!
Кто-то правду сказать
В полутьме не отважится.
Кто-то, может,
От друга трусливо откажется,
Кто-то будет
Над чьей-то любовью куражиться.
Впрочем,
Может мне только кажется.

Ведь всё могут влюбленные —
Все-таки боги!
Даже солнце зажечь
Над моею тревогой,
Над твоею судьбой,
Над Певеком затихшим,
Утонувшим в молчанья
По самые крыши.
Только вы попросите,
А я не пытался.
Помешать им,
Спугнуть их весну побоялся.

А снега упадают,

Снега упадают.
Но когда-то они непременно растают.
От любви в сотни солнц
Этих самых влюбленных,
Уходящих от нас
По аллеям зеленым
В ту весну,
Что раз в жизни
У всех наступает...
Пусть снега упадают,
Снега упадают.

* * *

— Ты такой непостоянный,
Вновь уходишь! Где твой дом?
Это ветер окаянный
Разыгрался за окном.
Это ветер, это ветер.
Все стучит в мое окно.
Что-то он опять приметил.
Этот ветер, этот ветер,
Рассказать мне хочет ветер
Но о ком, о ком, о ком?
— Ах, какое непоседство,
Да с любовью по соседству!
Я уйду, прости, родная.
Слышишь, вновь меня зовет.
Ой зовет, куда — не знаю,
Шум шагов и шепот вод.
Слышишь, спи, раскинув реки,
Вся земля.
Я уйду,
К звонким росам на рассвете
Я губами припаду.
Брось на ссоры время тратить.
Я недолго... Я примчусь.
Ты спроси у каждой травки,
Чье я имя ей шепчу.
Пусть тебе расскажут ветлы.
Отчего такая грусть.
Имя чье поля и ветры
Заучили наизусть.
Знаю, сразу затоскую —
От зари, и до зари —
Только где-то затокуют,
Задыхаясь, глухари.
Знаю, сразу заскучаю,—
Только рельсам прозвенеть...
Но пойми меня, бывает,
Что никак не усидеть.
Что нахлынет вдруг — и точка!
Хоть разбейся, хоть кричи!
Сердце взбесится — и только
В лад колесам застучит. —
Ты такой непостоянный.
Вновь уходишь, где твой дом?..
...Это ветер окаянный
Разыгрался за окном.

* * *

Открывайте себя, открывайте —
В нас еще белых пятен не счесть.
Отрывайте себя, отрывайте
От уютных, насиженных мест.

И бояться падений не надо,
Это важно, чтоб страх победить.
Кто ни разу в жизни не падал —
Не научится твердо ходить.

И когда ты пройдешь, задыхаясь,
Там, где слабый назад повернет:
Вот тогда твоя мудрая ярость
Первой нужной строкой прорастет.

БУХТА ПРОВИДЕНИЯ

Где романтиков тут прописывают,
В Провидение заманя?
Ах, поселок, поселок неистовый,
Ты возьми на поруки меня!
Я слоняюсь, как привидение,
Я романтикой оглушен.
Провидение, Провидение,
Мне с тобою так хорошо!
В ледовитые белые будни,
Задыхаясь, бредут корабли.
Ну скажите мне, добрые люди,
Что за мед на краю земли?
Или жены по вас не сохнут?
Не берет за глотку тоска?
Лаже эти замшелые сопки,
Не посмотрят на вас свысока!
Я хожу среди вас исключением
И прислушиваюсь к словам...
Провидение, Провидение,
Ты — как дикий, восточный храм.
Чтоб понять тебя — стал бы толпою,
Или уличным фонарем.
Волновался б при встрече с тобою,
Как малыш перед букварем.
На тебя выпадал бы росами,
Стал бы камнем в твоей стене...
Если б где-то не лили березы
Безутешные слезы по мне.

* * *

Разгулялись по Анадырю
Бешабашные ветра.
Засиделись мы, а надо бы
В дальний путь.
Давно пора!

Ждут нас преданные пристани,
Запечалился прибой.
Погляди же, друг, попрестальнойей.
Мачты реют над водой.
Что ж, давай решать скорее.
Если в путь, так по рукам!
Клипер наш на дальнем рейде
Поднимает паруса!

Поспешай, сейчас отчалит!
Что же медлишь, не пойму...
Знаешь, страшно на причале
Вдруг остаться одному.

* * *

Скулила метель за ярангой.
Срываясь на бабий фальцет.
Я с другом на острове Врангеля
По радио слушал концерт.
А скрипки над миром звучали,
Дожди разметав и туман,
И ггочки увесисто ставил На судьбах планет барабан. И жизнь вдруг
пылинкой,

ошибкой

Под взглядами звезд предстает...

А скрипка,

а скрипка,

а скрипка

Твердит о бессмертии моем!

СТАРАЯ ШХУНА

Шхуна, в причалы вмерзшая,
Заплеванная и заброшенная.
Нелепым, смешным чудовищем
Она на боку лежит.
И старые ее сходни
Как будто тоской перекошены,
И грустными иллюминаторами
За чайками шхуна следит.
Замрите
И вы услышите,
Вы всё, что надо, услышите:
Как стонут протяжно реи,
Как глухо мачты скрипят.
Замрите —
И вы услышите.
Как долго шепчутся с нею
Те, кто из дальних странствий
С ней не вернулся назад.
Но только повеет ветер,
Ветер большой навигации —
Навстречу ему рванется
Стремительно-острый бушприт.
Ночью иллюминаторы —
Глаза ее — загорятся
И протестующе, скорбно
Колокол закричит.
И по усталым сходням
В глухо застегнутом кителе
Седой и чудаковатый
Строго взойдет старик.
Придите —
И вы увидите
Как долго, как трудно долго
На мостике капитанском
Этот старик стоит.
Как трогает, гладит штурвал он,
Как льнут к нему ласково ванты,
Как наливаются волны
Силой — куда ни глянь!
И только слепой не увидит,
Как преданно ждет команды
Каждый заржавленный винтик
Старого корабля.
А белые пароходы
В моря уплывают где-то,
И радостно, и восторженно,

И звонко они гудят.
И только в маленьком домике
Окна горят до рассвета,
И шхуньи иллюминаторы
Тоскливо в море глядят.
Да, я понимаю, время!
Да, быть не может иначе.
Стареет не только сердце.
Стареет даже металл.
Но слышу, поймите слышу,
Как колокол скорбно плачет,
И вижу,
Как гладят руки,
Ласково гладят штурвал...

ЦАРЕВНА

А по прииску в предвечерний час
По камням, впереди меня,
В темном ватнике широченнейшем
Кто-то шел, морозы кляня.
Клочья ваты торчали из ватника,
Из карманов — замасленный хлам.
И плывут пароходы-валенки
По волнам, по валунам.
Я позвал — оглянулся идущий:
И как будто рванула гроза —
На меня вдруг взянули большущие.
Ярче тысячи звезд глаза.
От их взгляда дома закружились.
Больно было на них смотреть.
Ну, скажите, кто разрешил вам
Здесь такие глаза иметь?
Ну, скажите, кто разрешил вам?
Может даст прииском ответ?..
Тормозят перед ними машины,
Будто красный увидев свет.
Где же техника безопасности?
Где же грозный ее устав?
Ведь глаза ее распрекрасные
Еще много наделают травм!
А царевна «дет, удаляясь,
А за ней, не нарушив границ,
Вдохновенно, спешит, спотыкаясь,
Приисковых масштабов принц.
Строгий взгляд — и не надо ответа:
Принц уныло обратно бредет...
Ну откуда же царственность эта
В каждой женщине нашей живет...
Кто такой наделил ее силой?
Только взгляд — и не спишь по ночам...
Ах, царевна, казни или милуй,
Я склоняюсь к твоим ногам.

* * *

Ах, какие в селе девчонки!
Хоть мадонну с любой пиши.
Ах, как звонки, прозрачно звонки
Голоса их в ночной тиши!
Бродят северные сияния
За околицей села,
А луна весела, окаянная,
И заря беззаветно светла.
А девчонкам влюбляться только бы,
И не в принцев — в своих, в простых,
Но на тридцать Джульетт в поселке —
Два Ромео из холостых.
Вот досада, какая досада!
А девчонки так хороши!
Им ведь снятся балы-маскарады,
Жаркий шепот в ночной тиши.
Пусть морозы за сорок гонят,
Пусть метели все злей хрипят.
Но у каждой девчонки нейлоны,
Как иконы, в углу висят.
Туфли-шпилечки грезят вальсами,
В чемоданах пылью дыша...
А девчонки в могучих валенках
На работу утром опешат.
Так звучите же, песни звонкие!
Чтоб тоже от ворот — поворот.
А нейлоны?
Поверьте, девчонки,
Настанет и их черед.

БАЛЛАДА О ДЛИННОМ РУБЛЕ

Вопреки положениям бескомпромиссным
И юным строгим мнениям наперекор
(Пусть простят педагоги и фельетонисты)
Я о длинном рубле поведу разговор:
Как проклятие рубль то название носит.
И хотелось бы знать —

до какой же поры?

Ведь название придумали те, кто и носа
Не высовывал

из персональной норы.

Этот рубль из беды и опасности соткан:
Пурги, холод и лед на обмерзших губах...

Вот их ведомость, глянь:

Рядом с подписью — сотни

Новых приисков, домен, поселков и шахт.

Так какая ж цена этой черной работе!

Рубль рублю все же рознь.

Это знаю я сам.

Ну, а те, что добыты и кровью, и потом,

Я готов хоть сейчас приравнять к орденам!

Этот рубль не для тех, кто плетется вполсилы,

А для тех, кто всегда впереди, за рулем.

И горжусь я, что труд мой страна оплатила

Этим самым — вы слышите? —

Длинным рублем!

И рискуя прослыть уж совсем нехорошим

(Был бы повод — ярлык подходящий найдем)

Призываю,

наплюйте на мелкие гроши.

Поезжайте, ребята.

За длинным рублем!

О чем бормочешь, море, перед бурей
Будь проклят твой таинственный гипноз

Я спать не буду, колыбельных песен
Не пой мне больше. Сны не навей мне.
Не «навей мне оны.
Не напевай.

Какие думы думаете, скалы,
Наморщив лбы гранитные сурово?
Поведайте мне древние легенды,
И вам положен временной предел,
И вы не вечны.

Сильные течения
Лишь начинают страшную работу,
И волны мягкие и нежные, как бархат,
Лаская вас,
вершат свои дела.

Смотрите, море штормом угрожает.
Но слышите, как дерзко рвется песня
Кого-то долгожданного вернуть?
— Чего вы ждете, девушка, у моря?
Вам двадцать лет?

Какой опасный возраст!
В такое время разум перед сердцем
Склоняется. Идите же домой!
А песнь летит,
сшибается с волнами,
Захлебываясь ветром и слезами,
Туда, туда, где яростное небо
Бросается на маленький корабль.
Ты вспомни годы школьные, товарищ,
Заносчивых подруг девятиклассниц.
Они всегда записки рвали наши
С извечным предложением дружить.
О как хотелось им глядеть суровой.
Ведь мы тогда совсем не понимали,
Что к ним пришла

(немного, может, раньше,
чем к нам) пора мечтаний и любви.
Ты помнишь те наивные альбомы
С батальными и глупыми словами
О верности, о ревности, разлуке
И о туманной неземной любви.
Мы были не правы, когда смеялись
Над этими альбомами девчонок,
Над первыми зелеными ростками.
Что завтра станут деревом любви.
Вы слышали, как умирает песня?
Да вы правы, что это невозможно.
Сквозь рокот затихающего моря
Удары сердца слышатся ее.

Усните, ветры! Засыпайте, ветры!
Пусть только песня бодрствует над морем.
Усните, волны, не шумите, волны,
Не бейтесь, волны.
Море, засыпай.
— Чего вы ждете, женщина, у моря?
Смотрите, море штормом угрожает.

Вихрастый ветер вырывает зонтик.

И этот дождь...

Идите же домой.

Вам тридцать пять?

И вы уже смирились?

Еще не все потеряно... А впрочем,

Я вам напрасно это говорю.

Ведь вы смеетесь надо мной. Я вижу

Колючие иголки насмешки.

Я вас не понял, вы меня простите,

Ведь это не отчаянье — печаль...

И что это, знакомое до боли,

В глазах тревожных?

Где же я их видел?

А песня, песня, бьющаяся птицей

В зрачках ее!

Ах, как я мог забыть!

Ведь столько лет звенела

в моем сердце

Бессонная, святая песня эта,

Напоминая древние сказанья,

Опутанные водорослями тайн.

Вы помните прекрасную картину —

В ней воплотился гений Айвазовского.

«Девятый вал» — название картины.

Представьте? если можете, ее.

Отбросьте все, что видеть вам мешает,

Пройдет минута, а за ней другая,

И вам в лицо пахнет соленый воздух,

И донесется рокот облаков.

Еще мгновенье —

и свершится чудо:

Как молния, над вами вспыхнет песня,

Знакомая любому человеку,

И на любом понятна языке.

Катились волны, и катились годы,

Шагала к звездам дерзкая эпоха.

И после штормов, после гулких громов

Над облаками радуга цвела.

— Чего вы ждете, женщина седая,

У моря, закипающего гневом?..

Да, вас согнули годы грозные, •

Морщинами усеяли лицо.
Вас не узнать.
    Вас старость надломила.
Вы умерли уже наполовину.
Вы, видно, ждете не дождетесь смерти,
Вы молитесь...
Простите, я не прав.
Мне издали такое показалось.
Я не заметил ваших глаз знакомых,
Я не заметил молодости вашей,
Что птицею взлетела в высоту.
Вы думали,
А может, нету смерти?
А может, это море нашептало?
Вам шестьдесят?
Ну что вы, я не верю.
Вам много больше.
Вы не спорьте, нет!
А я уверен.
Вы века стояли
У моря, закипающего гневом,
И над волнами птицей билась песня
Вот эта самая...
    Вот эта...
        Вот она!

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога.....	
Юность.....	
Пограничная степь.....	
Пехота.....	
Родина.....	
Больному другу.....	
«Не будите меня, тополя...»	
Наедине с тундрой	
О бессмертье	
Зимник	
«Не пишется».....	
«Сорько плачет...»	
«Мы матерей привыкли обижать...»	
Крылья	
Былинное.....	
Тревога	

Стр. 3 5 8 11 13 15 17 19 22 23 25 28 29 30 32 33

«Ты завой, ты заплачь...»		34
«Ты пишешь, что ждешь...»		
Невеста.....		37
Расставание		38
Нинка		39
Расстояния.....		41
Десять листков сентября		43
«Поди, как странно: отпуска!»		50
Вечером		52
На родине.....		54
Детство — сторона далекая	57	
Старая сказка	60	
Обида	64	
... Чудесный город	67	
Анадырь.....	71	
Полярная ночь.....	73	
«Ты такой непостоянный...»	* 76	
«Открывайте себя...»	78	
Бухта Провидения	79	
«Разгулялись по Анадырю...».....	81	
«Скулила метель за ярангой...»		82
Журавли ;'•..... "	!..!•.	
Старая шхуна	85	
Царевна.....	88	
«Ах, какие в селе девчонки!»		90
Баллада о длинном рубле	92	
«А я в кавказской здравнице живу...» ...	94	
Эта самая песня (маленькая поэма)	96	

Аркадий Петрович Малашенко

СТИХИ БЕЛЫЙ ВЕТЕР

Редактор А. Лисовицкая Художник А. Штаркман Художественный редактор Г. Остапенко
Технический редактор Д. Шехтер Корректоры С. Нечава, Ю. Цуркан

Слано в набор 7/ХП 1970 г. Подписано к печати 29/IV 1971 г. АБ 00806. Формат 60X90/я. Печатных
листов 3,25. Уч. изд. листов 2,97. Тираж 4000. Цена 30 коп Зак. 25.

Издательство «Картя Молдовеняска» Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Белоцерковская книжная типография Комитета по печати при Совете Министров УССР.
ул. К. Маркса, 4.